KORNEICHUKOVSKII

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

В

ШЕСТИ

ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Chukovskiĭ, K I

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

ТОМ ШЕСТОЙ

СТАТЬИ

1906—1968 ГОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

PLC

И среди раскрасневшихся от танцев девиц Анатолий Каменский — и радушный хозяин, и интересный кавалер. И не сатирически относится он к своему обществу, а плавает в нем, как рыба в воде, потому что все его персонажи, с интересами и языком подгородной мещанской слободы, это — сам Анатолий Каменский. Здесь он не из последних. Он и рассказчик, и «испытанный остряк», и герой многих романов, и искусный велосипедист, и даже, вероятно, литератор.

Ну, а когда на этом же велосипеде и в розовом галстучке да катит он за подлинными литературными лаврами, — выходит и смешно и жалко.

1908

ТЕМНЫЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Правительство Николая II изыскивало разные меры для отелечения молодежи от революционных идей. Энтузиазм, свойственный юным сердцам, нужно было направить по какому-нибудь другому — далекому от политики — руслу. И такое русло нашлось. Это был «Вестник знания», издаваемый Вильгельмом Вильгельмовичем Битнером. Человек импозантный и ловкий, Битнер выступил в качестве энтузиаста науки, и ему удалось в очень короткое время сплотить вокруг своего журнала наиболее отсталые слои молодежи, которые он увёдил от политики к мечтам о преобразовании мира — наукой.

Моя статья о нем была испорчена цензурой. Две-три цензурные купюры я восстановил по сохранившейся рукописи.

1968

I

«Желаю переписываться... по выработке миросозерцания...»

«Не найдется ли у кого подержанной геометрии Киселева? Прошу продать. Послать Николаю Малофееву...»

«Откликнитесь, помогите! Всякой путной книге будем рады. Пошлите, у кого есть лишняя. По гроб не забудем. Адрес: Якову Кобелеву» и т. д.

Прочитал я сотни и тысячи таких печатных воззваний и, прочитав, устыдился.

Милый мой Кобелев, дорогой Малофеев! Что же мы вам отсюда пошлем, с Кирочной да с Невского проспекта? «Чертову куклу»? «Гнев Диониса»? Коллективный роман? Что мы вам напишем, что скажем? Какими словами? О чем? О кубистах? О футуристах? О «Вампуке»?

Вас много, недоучек и недорослей, несметное полчище — мастеровые, приказчики, фельдшера, писаря, парикмахеры, телеграфисты, и мы здесь, на Невском, вам только завидуем: с каким пылким порывом, с какой экзальтацией из всех Пятисобачьих переулков вы вдруг устремились — куда? — к Ломброзо, к Геккелю, к геометрии Киселева, к какой-то неслыханной, небывалой науке, которая знать вас не хочет и над вами смеется, но в которую вы влюблены такой платонической, безнадежной любовью.

«Помогите мне учиться... Отдам себя в рабство», — пишет один из вас [1].

«Готов, — повторяет другой, — хоть в рабство продаться тому, кто мог бы выучить меня: с самых ранних лет мою душу обуяла жажда знаний, которая с годами росла...» [2]

И с умилением я прочитал об одном из ваших сподвижников, нищем, почти голодном, такие изумительные строки: он каждый день урезывал из тех десяти копеек, которыми он располагал для покупки еды, две-три копейки, и эти гроши, добытые ценой истощения и голода, жертвовал и до сих пор жертвует в пользу народной академии [3]. Вот он, истинный герой просвещения, мученик науки и культуры, и кто из нас, здесь на Невском, достоин встать рядом с ним?

А другой, такой же рабочий-мастеровой, предлагая и свои копейки в пользу все того же просвещения, пишет так самозабвенно и гордо: «Внося эти деньги на просветительные учреждения, я не думаю, чтобы

[1] «Вестник знания», 1909, № 5.
[2] Там же, № 7.
[3] Там же, 1911, № 28.

мне пришлось не только воспользоваться ими для пополнения знаний, но даже увидеть их».

Где же у нас, на Невском, такие величавые поступки?

Эти Кобелевы и Малофеевы — они уж не народ, но еще не интеллигенция, это новая огромная социальная группа, растущая с каждым днем: полуинтеллигенция и даже «четверть-интеллигенция», до чего она не похожа на нас, на тех, кого зовут интеллигентами! Я теперь читаю «Вестник знания», главное их убежище, там они — дома, душа нараспашку, и непрерывно и без конца пишут они туда такое:

«Хоть я и казак, но ведь тоже человек... Я хочу отстаивать права народа... Дайте мне свет, дайте мне знания! Я не останусь в долгу: всю свою силу и молодость отдам на борьбу с невежеством» (1909, № 3).

Здесь, «у нас», это покажется пресным и плоским, как будто плоховатые актеры играют благородную, но суконную пьесу какой-нибудь дамы-писательницы. «Дайте мне свет, дайте мне знания», — это здесь прозвучит, как пародия. Не годится ли она для кабаре? О, конечно, годится, и вот, господа пошляки, не желаете ли вы использовать ее как сюжет?

Прекрасная белошвейка Шлёпкина была очень хорошо сложена, но ни капли не имела миросозерцания. Она напечатала в «Вестнике знания» письмо:

«Дорогие товарищи! Хочу переписываться для выработки твердых воззрений».

Тютькин куафер («салон для дам и девиц») взялся за это дело так ретиво, что через месяц или два Шлёпкина сделалась Тютькиной. Миросозерцание теперь у нее есть, но денег, увы, нисколько. Супруги швыряют друг в друга книжками «Вестника знания» и бранятся меж собой — по-эсперантски. Бедный издатель рыдает: прежде оба были моими подписчиками, а теперь вдвоем выписывают один экземпляр.

Эта пародия тем хороша, что она почти не пародия. Всё это так и случилось. Прочитайте-ка «Неделю Вестника знания» № 25-26 за нынешний год.

Но как бы своими гнилыми зубами ни хихикал над ними, над Тютькиными и Малофеевыми,

язвительный Невский проспект, как бы здесь ни казались смешны отдельные их позы и фразы, самый пафос их жизни, стремление их бытия — да есть ли что светлее, человечнее во всей нашей нынешней русской действительности! Интеллигенция наша стала теперь в значительной мере нигилистична, изъедена иронией и скепсисом, а вот эти отверженцы — как прекрасно они зажжены всеми огнями надежд и восторгов, как молодо влюблены они в жизнь, в людей, в какое-то волшебное будущее, и послушайте, как они декламируют:

«Не падайте духом! Сила в знании и правде. Вооружайтесь, товарищи, знанием, и мы смело выйдем победителями. Мы смело пойдем навстречу нашим врагам — невежеству и неправде, пробуждая сознание наших братьев. И враг падет в неравной борьбе... Рухнет все жалкое, и займется заря новых дней!» (1910, № 7).

Не смейтесь над их декламацией: «Что в том, что человек капельку декламирует? Разве я не декламирую? А ведь искренен же я, искренен!» — восклицал в экстазе Митя Карамазов. Вы лучше то оцените, что в девятьсот десятом году в нашей легальной печати *только отсюда* и слышались бодрые, призывные слова.

Конечно, у этих милых Тютькиных не всё же одни добродетели. Они, например, почти все до одного графоманы. Это очень тяжелый грех. Прочитав брошюрку Геккеля, они ужасно за это начинают себя уважать, и даже самая их походка с того времени изменяется: вот идет человек, который читает Геккеля. И многие из них не столько учатся, сколько в-ы-р-а-б-а-т-ы-в-а-ю-т м-и-р-о-с-о-з-е-р-ц-а-н-и-е. И есть у них странная страсть: изобретать *перпетуум мобиле*. Только что журнал объявил одному:

«Ни ваш, ни какой другой *перпетуум мобиле* абсолютно невозможен» (1909, № 10), как уже является новый и нужны опять увещевания:

«Бросьте совершенно это дело, так как доказано, что», и т. д. (1910, № 8).

И очень мило выходит (и тоже похоже на чью-то пародию), когда весь свой гражданственный пыл они

отдают дамским юбкам: «Реформировав юбку, женщина снимет с себя оковы, связывающие ее по рукам (по рукам?! — *К. Ч.)* и ногам, и, развившись физически, не уступит мужчине в ловкости и силе, как и во многом другом. Долой позорную кличку!» (1911, № 3).

Но все это пустяки, детали, все это так и должно быть у тех, которые грамотны лишь со вчера, а сегодня впервые приобщаются к знаниям. И прав В. В. Битнер, когда он воспевает этих людей в такой оде:

«Вы, дорогие читатели, принадлежите к тем молодым, если не годами, то духом, к тем сильным, верующим в лучшее будущее России, которые способны на самопожертвование, на подвиг, — каждый по своим силам и средствам. На вас, одушевленных беззаветной преданностью родине, лежит вся надежда ее светлого будущего» [1].

Так говорит В. В. Битнер. А он их вождь и пророк, их создание и их создатель. «Я создаю армию бескорыстных культурных работников», — не раз повторяет он, и мне кажется, что во главе этой армии он скачет на белом коне. Генералиссимус! Кумир «полуобразованной черни»! Недавно он устроил своей армии смотр в Киеве, и у многих задрожали сердца, когда властно и зычно прозвучал его голос: «Киевляне, на вас смотрит Россия!» [2]

«Наставник наш, — взывают к нему эти его верноподданные, — начинай поскорее то великое дело, на которое ты нас призвал» [3].

Битнер человек гениальный. Теперь он (покуда) всего лишь издатель, переводчик, компилятор популярных брошюрок, составитель «Вестника знания», а посмотрите, что он и ныне создал уже для России! — Лаборатории! Обсерватории! Аудитории! Консерватории! Фонд просвещения! Театры! Дворцы науки! Походные библиотеки, опытные станции, концертные залы, музеи! И, даже страшно вымолвить — народные академии!

---

[1] «Неделя Вестника знания», 1911, № 1.
[2] «Вестник знания», 1911, № 19.
[3] «Неделя Вестника знания», 1911, № 20.

Правда, все это создано им на бумаге, только в сладких мечтах, и эти дворцы науки иначе зовутся воздушными замками, но драгоценно и пленительно то, что именно такие, а не другие мечты возбуждает и будоражит в сердцах своей паствы ее вдохновитель и вождь; что именно такие, а не другие проекты, утопии, замыслы нужны их горячим сердцам.

И если вспомнить, что в то же самое время «имущие и просвещенные представители нации», вроде г. Анатолия Каменского, создавали здесь, на Невском, мечты и утопии о поэтических и утонченно-изысканных публичных домах, где проститутки говорили бы обо всех литературных новинках и цитировали бы стихотворения Верлена, то утопии «недоучек и недорослей» сразу станут защищены от насмешек. И разве мало здесь, на Невском, было среди нас и таких, что и совсем обходились без утопий! Кобелевы же и Малофеевы там, в чаду Пятисобачьих переулков, где пьяная блевотина, вонь, мордобой, спят и видят этакое белое здание, многооконное, многоколонное, в котором среди телескопов и микроскопов сидят высоколобые мудрые, и по-эсперантски с утра до вечера (перед ними, перед Кобелевыми) диспутируют и дебатируют о разных проблемах, дилеммах, — сумел же этот изумительный Битнер навеять на них именно такую мечту!

И как самозабвенно, как трепетно любят его самого эти люди: жизнь готовы положить за него. Я был в Царицыне, видал Илиодора. Даже тот не столь любим илиодоровцами, как Битнер битнеровцами[1]. Они так и называют себя: битнеровцы, вестникознаньевцы[2]. И каков бы Битнер ни был на самом деле, уже то, что в нем им так хочется любить именно борца за просвещение, собрата всех Геккелей, Дарвинов, Спенсеров, созидателя лабораторий, аудиторий, консерваторий, обсерваторий, — для меня уже это одно окружает их ярчайшим сиянием.

[1] Илиодор — монах-черносотенец, вдохновитель погромов.

[2] Произведя это неуклюжее слово от «Вестника знания», издатель коего г. фон Битнер.

Влюбленные, они засыпают Битнера сотнями и тысячами писем; вдохновитель, учитель, спаситель — называют они его. «Вы жизнью жертвуете (!) для других», — такова их простодушная вера. «Чтоб вдохновлять нас с таким постоянством, надо не жить, а гореть» (№ 20). «Там, в серых, далеких углах, мы все-таки не одни: получая журнал «Вестник знания», мы вместе с ним получаем и теплое, ободряющее рукопожатие дорогого Вильгельма Вильгельмовича...» «Он весь в течение девяти лет принадлежит нам каждым помыслом своим, каждым проявлением своей энергии» (№ 28).

Я уже упоминал, что в Киеве этот вдохновенный издатель устроил всероссийский съезд своих подписчиков. Их собралось до шестисот человек. «Киевляне, на вас смотрит Россия!» И когда они наконец увидали своего боготворимого издателя и услышали звук его голоса, они разрыдались. Да, г. Проппер, они разрыдались![1] «Вслед за моими словами, — так повествует он сам, — произошел взрыв такого энтузиазма, такое проявление взаимной, связывающей все собрание любви, которое не изгладится из моей памяти... У всех на глазах были слезы, многие рыдали, бросались друг другу на шею, обнимались! — невозможно передать того, что произошло» (№ 25-26). Подписчики бросились друг другу в объятия!!! Это магия, чудо, — и сколько хотите хихикайте, это умиляет меня. Не в Битнере дело, бог с ним, а в этих поразительных людях, которые так благоговейно и так свято воспринимают всякую тень, всякий признак идейного братства, содружества, — и которым нужно же излить на кого-нибудь нерастраченный запас энтузиазма.

II

Вчитайтесь же с почтением, без улыбки в эти их всегдашние воззвания:

«Радостью и горем прошу товарищей подписчиков поделиться со мною» (1911, № 23).

[1] Проппер — издатель «Биржевых ведомостей».

«Врачи-читатели! Не найдется ли из вас, кто мог бы вылечить устарелый суставной ревматизм, которым моя мать страдает уже десять с лишним лет» (1909, № 3).

И отнеситесь без иронии даже к таким строкам:

«Слободну украинку, мающу голос сопрано и грающу на піаніні, прошу даты своёго адрéсу. Бажаю переписыватысь на рідній мові» (1911, № 34).

(Хотя и не понять, почему для переписки «на рідній мові» нужно непременно быть «слободной» и обладать голосом сопрано!)

Здесь, во всех этих странных воззваниях, прекрасная воля к единению, слиянию, братски протянутые руки, — и недаром г. Битнер основал даже фонд взаимопомощи подписчиков; сколь многие из них помогли друг другу уплатить г. Битнеру деньги и внести ему соответствующую подписную плату! Чуть не в каждом городе, в каждом местечке есть общества и кружки «Вестника знания», — в Риге, в Баку, в Саратове, в Николаеве и даже где-то в селе Тезино, на фабрике Кокорева. В журнале нередко читаешь:

«Подписчиков, живущих в г. Вильне и его окрестностях, приглашаем собраться 3—4 сентября для взаимного ознакомления.. Явившимся предлагается иметь в руках одно из изданий «Вестника знания»...»

А для того, чтобы эти подписчики могли безошибочно бросаться друг другу в объятья, почтенный издатель изготовил специальные жетоны и продает желающим эти жетоны по два с полтиной за штуку. И никто еще не носил с такой гордостью ни «Георгия», ни «Анну с мечами», как эти простодушные люди носят свой эмалевый знак, орден Почетного легиона. «Подписчик» «Вестника знания», — здесь для них высший чин, и один из этих счастливцев признается: «Сказать: я выписал в этом году «Вестник знания» — значит приобрести в глазах товарищей право на уважение».

И только одного они боятся: как бы этот г. Битнер не подумал, что они недостойны его. «Неужели, на самом деле, мы являемся лишь простыми читателями, а не идейными подписчиками? Неужели прав В. В. Битнер, подозревая нас в этом?» — такова их постоянная тревога.

Кто же он такой этот Битнер и откуда его моральное над ними могущество?

Я очень боюсь говорить о нем, потому что, а вдруг он крикнет: «Дорогие товарищи подписчики, разотремка в порошок К. Чуковского!» И что тогда будет со мною!

Но я все же рискну указать ему, что под портретом М. Лермонтова никогда не следует подписывать: «Император Александр I».

И что картину Архипова как-то неудобно называть картиной Н. А. Ярошенко. Лейпциг не находится в Англии. Поэт Баратынский не князь.

Вообще я решусь намекнуть г. В. Битнеру: чем скорее он сожжет иные свои книги, тем будет лучше — для него и для нас. Например, Брюкнера «Историю русской литературы», которую он редактировал, — тотчас же на костер! Ибо как же редактору «Истории литературы» не знать даже заглавий тех творений, о которых у него говорится. Нужно быть идеальным невеждою, чтобы печатно утверждать, будто Гоголь написал одноактную пьесу «Процесс», а Лев Толстой «Снежную бурю», а Салтыков — «По ту сторону границы»;[1] будто в пушкинском «Онегине» есть такой стих:

Вороны опустились на церковный крест,[2] —

а в «Горе от ума» такой:

Да, водевиль это — дело, все другое пустяки![3]

И почти преступно печатать стихи князя Вяземского, Фета, Вл. Соловьева, русские стихи в переводе

---

[1] Спешу сообщить В. Битнеру, что этот «Процесс» у Гоголя называется «Тяжба», а толстовская «Снежная буря» на самом-то деле «Метель», а щедринское «По ту сторону границы» в русской литературе известно под заглавием «За рубежом».

[2] Так исковеркан им стих: «И стая галок на крестах».

[3] В подлиннике: «Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль».

с немецкого. В переводе с немецкого! И уверять, что такие, например, строки:

Преступник! С презреньем смотрю я на тебя,
Гордый не найти твоих чувств в себе! [1] —

что эти строки — стихи Рылеева. Какой у него, оказывается, могучий размах невежества! Стоит ли после этого указывать ему, что Козлов написал не «Монаха», а «Чернеца»; граф В. А. Соллогуб — не «Бо-Монд», а «Большой свет»; Леонид Андреев — не «Набатный колокол», а «Набат»; что у Салиаса нет романа «Один миллион», а у Дружинина — «Полиньки Закс». И т. д., и т. д., и т. д.

Радует нас только одно: что сам-то г. Битнер очень собою доволен. «Наша книжка была настолько хороша, — пишет он сам, — что удостоилась перевода» (1909, VIII—IX), — и в собственном своем органе непрерывно печатает восторженные о самом себе отзывы. Если же где и случится отзыв далеко не восторженный, — например, в «Русском богатстве», где в разное время жестоко и справедливо осмеяли четыре книги г. В. Битнера, — то это все из зависти и низких расчетов.

Так уверяет сам г. Битнер. «Издатели органов одного с нами направления, видя неувеличивающуюся или даже редеющую массу своих подписчиков, не могли питать дружелюбных чувств к конкуренту», — и отсюда их укоризны В. Битнеру, обличающие его в оголтелом невежестве и недомыслии. Так что, если бы, например, «Русское богатство», редактируемое Вл. Короленко, не было конкурентом «Вестника знания», как бы там восхищались фон Битнером!

Впрочем, не в этом суть. Гениальность Битнера в том, что он едва ли не первый открыл и заметил в России этих Кобелевых и Малофеевых, мимо которых мы прошли, как слепые, он первый их понял, первый

[1] В подлиннике: «...сам с презрением я на тебя гляжу,
И горд, что чувств твоих в себе не нахожу...»

с ними слился, и вот идет с ними в ногу и тешит их тысячью иллюзий, миражей, фальшфейеров. Он первый заметил, что они — на распутье, и, чтоб отвлечь их от опасных путей, влечет их за собой на безопасные. Он понял — или, может быть, ему подсказали, — что подлинно научными книгами их не прельстишь, что им нужен фанатизм, нужен массовый гипноз, нужна слепая и пылкая вера, будто они несут какое-то знамя, что, выписывая брошюрки Битнера, они как-то служат всему человечеству, стоят у какого-то алтаря, и Битнер так прекрасно умеет внушать им, что вот эти-то брошюрки и есть алтарь и что читать их — значит священнодействовать.

Я ни минуты не думаю, что он бесстыдно спекулирует на их героических чувствах. Очевидно, он и сам такой. Он немного актер и даже очень себе на уме, — но — бывают же такие странности! — он и сам в этом розовом тумане, в котором пребывают они. Он меньше всего симулянт.

«Я был близок к отчаянию, потеряв веру в возможность осуществления идеалов, потеряв веру во все окружающее. Но, к моему счастью, я наткнулся на некоторые страницы «Вестника знания», в которых вы призывали нас к работе, вселяли веру в лучшее будущее... и я снова ожил, возродился духом и готов будить других», — пишет ему один человек, — не один, а сотни и сотни.

Это же превосходно, это лучше всего, о чем только могут мечтать блюстители благонравия в рядах злокозненной, кипучей молодежи, и бог с ними, с опечатками, ошибками, описками, промахами, — перед нами «сеятель знанья на ниву народную», пускай и не слишком ученый и даже порою безграмотный, но множеством приманок и миражей привораживающий несметные слои молодежи к псевдонауке и псевдокультуре — подальше от гибельных соблазнов, подстерегающих на каждом шагу колеблющихся и шатких юнцов.

И пускай этот «Вестник знания» часто бывает аляповат, а порою даже вульгарен, пускай в нем порою царят какие-то задворки науки: спиритизм, астроло-

гия, эсперанто, Фламмарион и Ломброзо — все же для тысячи юных читателей он больше по душе, чем все прочие наши журналы.

Недавно М. Новорусский на столбцах «Речи» печаловался, что в русских толстых журналах отвратительно и скудно поставлен отдел естествознания. Посмотрите, как полон и богат этот важнейший отдел в органе г. Битнера. Нынешний год еще не кончен, а я в «Вестнике знания» насчитал около сорока статей по естественным наукам. Здесь и «Законы Кеплера», и «Слышат ли рыбы?», и «Кровь растений», и неовитализм, и «проблемы новой физики», и «современные течения в физиологии». Положительно, Кобелевы и Малофеевы переживают заново шестидесятые годы! Недаром же их журнал выдал им недавно книгу К. Бюхнера «Сила и материя» — ту самую «Stoff und Kraft», посредством которой еще пятьдесят лет назад Базаров «развивал» старика Кирсанова. Интеллигенция давно через эту книгу перешагнула, а полуинтеллигенция встречается с нею теперь. Дай только бог, чтоб после шестидесятых, семидесятых годов к ней не пришли восьмидесятые!

Из приведенных выше отрывков читатель заметил: каков бы ни был сам Битнер, битнеровцы — большая потенциальная сила, им, только что вышедшим на историческую сцену, свойственна повышенная бодрость, активность, бескорыстная готовность служить идеалам всеобщего блага.

Мелкий железнодорожный служащий Данилов, несправедливо выгнанный со службы, нисколько не падает духом, а с горячим мужеством скандирует: «Я не возьму пистолета, не брошусь головой со скалы, не впаду в уныние, нет! Призываю товарищей к объединению, к мужеству...» и т. д.

Это их обычное чувство.

«Почему же нам так скучно?.. Начинает сосать под ложечкой, в глазах прыгают зеленые круги... хочется... забыть скетинг-ринг, мажестики, палас-театры. Хочется пойти домой, уткнуться носом в подушку и забыться холодным сном могилы».

Это ноет, по словам г. Философова, современный горестный интеллигент.

Разница поразительная. Интеллигенты Невского проспекта не только не похожи на полуинтеллигентов, они, оказывается, полярно противоположны. Это как бы два враждебных стана.

И есть уже знамения, что близка между ними баталия.

1910—1911

	Том	Стр.
Тараканище	1	173
Телефон	1	199
Топтыгин и лиса	1	207
Федорино горе	1	226
Федотка	1	307
Храбрецы	1	314
Черепаха	1	305
Что сделала Мура, когда ей прочли сказку «Чудо-дерево»	1	198
Чудо-дерево	1	195

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

От автора	7
Вербицкая	10
Леонид Андреев	22
Валерий Брюсов	48
Третий сорт	66
Куприн	78
Ранний Бунин	91
Нат Пинкертон	117
Лидия Чарская	150
Осип Дымов	163
Мещанин против мещанства	173
Темный просветитель	177
Сквозь человека	190
Футуристы	202
Образцы футурлитературы	240
Веселое кладбище	260
У последней черты	278
Ранний Ремизов	297
Поэзия косности	318
Путеводитель по Сологубу	332
Обзоры литературной жизни	368
О Всеволоде Гаршине	417
«Миша»	445
Литературный дебют Достоевского	462

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Александр Блок 505
Литература и школа 580
Пантелеев 607
Ираклий Андроников 629
К спорам о «дамской повести» 639

ПРИЛОЖЕНИЕ (ПЕРЕВОДЫ)

Сказки Р. Киплинга
Кошка, гулявшая сама по себе 647
Откуда у носорога шкура 660
Откуда у кита такая глотка 667
Сказка Оскара Уайльда
Рыбак и его Душа 673
Новеллы О. Генри
Супружество как точная наука 711
Поросячья этика 718
Джефф Питерс как персональный магнит 729
ПРИМЕЧАНИЯ 738
Указатель имен 741
Алфавитный указатель произведений, напечатанных в 1—6 томах 762

КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ ЧУКОВСКИЙ
Собрание сочинений, т. 6

Редактор С. Краснова. Художественный редактор Г. Андронова
Технический редактор Л. Фейлер Корректор Д. Эткина

Сдано в набор 18/II 1969 г. Подписано в печать 6/VIII 1969 г. А 06692. Бумага типографская № 1 84×108¹/₃₂. 24 печ. л. 40,32 усл. печ. л. 37,39+2 вкл.=37,49 уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 394. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.